

Г.А. Семенихин

Летчики

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Г11

Г11 **Г.А. Семенихин**
Летчики / Г.А. Семенихин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 456 с.

ISBN 978-5-458-32489-2

Книга о полной романтизма, опасностей и сложностей профессии лётчика.

ISBN 978-5-458-32489-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА ПЕРВАЯ

С нежные заносы задержали в пути поезд дальнего следования на полтора часа. Когда, устало дыша и осыпая себя искрами, паровоз вытащил из тоннеля вереницу заиндеветых вагонов, был поздний вечер. На ярко освещенном перроне давно уже мерзли ожидающие. Как только поезд подтянулся к водокачке, перрон вскипел суетой и многоголосицей. Звякнул два раза медный колокол, под крики «берегись» поплыла вдоль состава тележка с грузами, засуетились пассажиры с зажатыми в руках билетами, послышались восклицания встречающих.

Человеческий поток завертел капитана Кузьму Ефимкова. Собственно говоря, «завертеть» его было делом довольно нелегким. Широкие, резко очерченные плечи Ефимкова возвышались над добрым десятком голов. Будь у Кузьмы желание, он бы без особого труда оставался стоять на земле, заставив поток обтекать себя. Но, поддавшись общему радостному возбуждению, он с добродушной улыбкой двигался в толпе.

Когда Ефимков увидел чуть обогнавший его вагон с цифрой «6» над тамбуром, он сделал решительное движение вперед.

— Прошу прощения, извините, — сказал Кузьма гулким своим басом, и на этот бас сразу обернулось несколько человек. По образовавшейся мгновенно дорожке Ефимков ступал осторожно, неторопливо, будто смущаясь силы, заложенной в широких плечах.

По ступенькам вагона, возле которого он остановился, один за другим спускались пассажиры. Кузьма нетерпеливо заглядывал в тамбур. В вагонной двери показался военный. Кузьма увидел парадную фуражку с золотыми листьями на козырьке, майорские погоны с голубой окантовкой.

— Сережа! Мочалов! — взволнованно воскликнул Ефимков, бросаясь ему навстречу.

Он быстро принял из рук майора объемистый чемодан. И вот они уже стоят друг против друга в колеблющемся от поземки свете электрических ламп. Майор был ниже Ефимкова и уже в плечах. Его сероглазое лицо с густыми бровями над переносьем озарилось улыбкой. Офицеры расцеловались и долго трясли друг друга, разряжая этим накопившееся чувство радости.

— Сережа! — басил Ефимков, — а ну, дай погляжу на тебя получше. Ведь в сорок третьем расстались, а сейчас пятидесятый начался. Воды-то утекло! А у тебя, сдается, ни одной морщины не прибавилось.

— Днем будем считать морщины, Кузя, — отмахнулся майор, — сейчас темно, не заметишь. Лучше вези меня поскорее куда-нибудь в тепло. Ну и холод же у вас. Не понимаю, отчего по учебнику географии этот край летом самым теплым считается.

— Так то ж летом, — перебил Ефимков, — а сейчас январь и по Цельсию тридцать ниже ноля.

Мочалов намеревался взять чемодан, но Кузьма решительно отстранил его плечом.

— Нет уж, позволь. Я, можно сказать, и по телосложению профессиональный грузчик. — Он легко подхватил багаж друга и кивнул: — Идем, машина ждет.

И они пошли: Мочалов впереди, капитан сзади.

Чемодан был тяжелый, но Ефимков двигался спокойно, не ускоряя шага, не сутулясь. Он высоко держал голову, и темные глаза глядели из-под бровей весело и беззаботно. Теплая меховая шапка с летной эмблемой была чуть-чуть нахлобучена на лоб и еще резче подчеркивала это выражение веселой беззаботности. Его щеки,

продубленные аэродромными ветрами, отливали здоровым румянцем. Как и у многих сильных людей, лицо у Кузьмы Ефимкова было грубоватым — большой нос с горбинкой, крутой подбородок, широкие губы. Но когда нижняя губа добродушно вздрагивала в усмешке, это лицо сразу перерождалось. Улыбка сметала с него строгость, делала его доверчиво открытым.

На привокзальной площади у занесенного снегом фонтана стоял серый «Москвич». Шофер предусмотрительно прогрел мотор.

Офицеры расположились на заднем сиденье. Мотор сразу взял высокую ноту, и, подпрыгивая на неровностях плохо расчищенной дороги, машина помчалась. Отогрев дыханием кусочек замерзшего стекла и соскоблив остатки наморози ногтем, майор с интересом наблюдал за улицей. Проехали площадь, в центре которой сверкала разноцветными огнями высокая елка. Ее нарядили к Новому году, но потом оставили на все время школьных каникул. На окраине города Мочалов рассмотрел силуэты высоких корпусов с еще не снятыми лесами.

— Я думал, город одноэтажный, а тут, гляди, какие великаны! — сказал он.

— Новый завод строится, Сережа, металлургический.

— Строится,— задумчиво повторил майор Мочалов.— Если подумать, то весь смысл нашей жизни сводится к этому слову «строится»!

— Да ты поэт, Сережа! — улыбнулся капитан.

— Поэт? — переспросил майор.— Нисколько. Это скорее политинформация, чем поэзия.

— Однако,— подхватил Ефимков,— если такую политинформацию изложить каким-нибудь пятистопным ямбом, настоящая поэзия получится.

— «Строится!..» Это и про наш край сказать можно,— продолжал он.— Наш край тоже не тихий. Полетаешь — увидишь. Строится много. Топографы иной раз запаздывают на карты новые ориентиры наносить. И заводы появляются и гидростанции. У нас как-то недавно молодой летчик Пальчиков самостоятельно по маршруту пошел. Погодка была сложная, видимость никуда. Стал он обратно возвращаться и выскочил на минуту из облаков, чтобы на местность посмотреть. Увидел

железную дорогу, прицепился к ней и пошел. Одна у нас в том районе «железка» была, к Нижним Токмакам вела. Летит он минуту, две и вдруг обнаруживает, что компас показывает совсем не тот курс, каким нужно идти. В чем дело? Оказывается, за тот месяц, что он не летал, нефтяники новую дорогу к одному из своих участков проложили, а он ее за старую принял. Чуть было не заблудился парняга.

— У вас в полку молодых летчиков много?

— Много, — отозвался Ефимков, — особенно в нашей эскадрилье. Но ты не смущайся, эскадрилья дружная, первая в части.

— А та, которой мне придется командовать? — поинтересовался Мочалов.

— О ней и речь.

Майор быстро повернулся к товарищу. Ефимков увидел, как блеснула в темноте полоска его крепких зубов.

— Что ты говоришь!

— А ты не знал?

— Откуда же? Перед отъездом генерал сказал, что я направляюсь на должность командира эскадрильи в часть подполковника Земцова, надавал кучу полезных советов, но, какую эскадрилью принимать придется, не сказал. Никак не предполагал, что судьба нас так сведет. А ты кто же, Кузя?

— Я? — Майор услышал слегка возбужденный смех. — Твой заместитель. Так что с первого же служебного дня для меня нет старого фронтового друга Сережи Мочалова, а есть командир и старший начальник товарищ майор Мочалов.

— Брось, — недовольно отмахнулся майор.

Будь в машине посветлее, Кузьма Петрович увидел бы, как сошлись в эту минуту брови Мочалова.

— Ладно, Сережа, будем считать, что я пошутил, — сказал Ефимков примирительно. — Сейчас мы всего лишь два старых товарища, давно не видевшихся, проголодавшихся, готовых по первому зову хозяйки сесть за стол. Ты, кстати, и хозяйку мою не знаешь?

— Только по письмам. Если не ошибаюсь — Галина Сергеевна?

— Совершенно верно.

— И сын — Вовка?

— Точно. Семья, как видишь, не многодетная, но, как говорят иные ораторы, сплоченная.

Машина уже выехала за городскую черту. На поворотах «Москвич» кренился. Казалось, что ветер вот-вот опрокинет его в глубокий кювет. Ефимков достал из кармана папиросы.

Вспышка спички осветила его лицо с резко очерченным крутым подбородком и прямым, с приметной горбинкой носом.

— Ты по-прежнему не куришь, или академия научила?

Мочалов отрицательно покачал головой. Он протер успевший снова заиндеветь кусочек стекла и стал смотреть на залитую лунным светом заснеженную равнину. Возникали обрывки воспоминаний. Большой, ярко освещенный зал военной академии, и они — ее выпускники — на прощальном вечере. Думал ли он, что будет назначен командовать той самой эскадрилей, где служит его старый фронтовой друг капитан Ефимков, тот самый дерзкий «великан Кузьма», который шесть лет назад вывез его, Мочалова, на своем истребителе с занятой врагом территории. Как это было давно! В ту пору Мочалов еще служил в штурмовой авиации. Это после ранения переучился он в запасном полку на летчика-истребителя.

— Значит, эскадрилья ваша крепкая? — спросил он товарища.

— Летчики у нас хорошие, Сережа. Летают крыло в крыло, можно смело в Москву на парад пускать.

Машина сделала крутой поворот, и справа в окне густо загорелись огоньки. Шофер-солдат уверенно повернул баранку еще раз и резко затормозил.

— Приехали, — объявил Ефимков и шутливо прибавил: — Прошу покорно в мои хоромы...

Ефимков несильно, с хозяйской уверенностью толкнул дверь.

— Принимай, Галя, гостей!

Мочалов вошел следом, продолжая старательно обивать снег. В обрывках морозного пара Мочалов увидел жену товарища. Галина Сергеевна торопливо вытирала руки о клетчатый передник.

— Извините, замешкалась со стряпней,

Она говорила тихо, растягивая слова по слогам. Этот тихий голос, доносившийся словно издалека, очень плохо вязался с ее внешним обликом. Она была высокая, смотрела на Сергея даже немножко сверху вниз. «Совсем под стать Кузьме», — подумал майор, пожимая ее полную теплую руку. Галина Сергеевна рассматривала гостя с откровенным интересом, чуть прищуря продолговатые черные глаза. Густые темные волосы локонами сбивались на лоб и виски, а на затылке, сплетенные в косы, были убраны в тугий узел. Когда она улыбалась, на щеках у нее вздрагивали приветливые ямочки.

— А я вас не таким представляла.

— А каким же? — смутился Сергей.

— Думала почему-то, вы старше и выше. А вы совсем юноша.

— Виноват, я всего на год моложе Кузьмы, — возразил Мочалов. — Он только ростом меня перещеголял. — И после небольшой паузы, стремясь отплатить за минутное смущение, сказал: — А вы действительно учительница, сразу видно.

— Это почему же? — насторожилась Галина Сергеевна.

— Напали на меня, как на первоклассника: и ростом не вышел и моложе, чем следует. Пожалуй, и в самом деле за вашим муженьком не угнаться. Скажите лучше, куда повесить шинель.

— Давай, Сережа, — шагнул к нему Ефимков.

Раздевшись, Мочалов осмотрел квартиру товарища. Кузьма жил со своей семьей в двух теплых небольших комнатах. Обстановка подсказывала, что хозяин, подобно большинству летчиков, не привыкших к оседлому образу жизни, не стремился к приобретению дорогих вещей. Простой зеркальный шкаф, этажерка с книгами, широкий диван, радиоприемник в углу на подставке да дубовый стол, накрытый белой скатертью, — вот, пожалуй, и все. Справа от входной двери на гвозде висел шлемофон и пустой, без карты, планшет. Над этажеркой с книгами Мочалов рассмотрел фотографию в овальной металлической оправе: Ефимков с перекинутой через плечо планшеткой у своего истребителя. На фюзеляже самолета два ряда звездочек, обозначающих число сбитых Кузьмой вражеских самолетов. Мочалов

помнил, что этот снимок подарил капитану корреспондент военной газеты, приехавший на аэродром в сорок третьем году, а рамочку изготовил в авиамастерской механик Петя Голубев. Сергей потрогал пальцами холодный металлический ободок рамки и отошел.

Кузьма заметил, что гость рассматривает комнату, и широко развел руками:

— Вот так и живем, Сережа. Квартира вполне приличная.

— Это верно, Сергей Степанович,— подтвердила Галина Сергеевна.— Когда мы сюда приехали с островов, я нарадоваться не могла. После них любая комната дворцом выглядит. Мы там в самое трудное время жили, в землянке. Не успела выйти замуж, а Кузьма меня сразу за тридевять земель... А здесь у нас уютно. Жалко, вы один, без жены.

Мочалов повел густыми бровями. При последних словах Галины Сергеевны серые его глаза засветились.

— Не вышло,— сказал он со вздохом.— Придется до мая жить в одиночестве. Нина наотрез отказалась переводиться в другой институт, у нее один дипломный проект остался. Хочет в Москве защитить.

Галина Сергеевна одобрила:

— С какой же стати переводиться, если осталось так мало.

— Галю,— пробасил Ефимков,— кушать нам поскорее. Не видишь разве: Сережа холодный и голодный, а ты его баснями про тридевятье царства мучишь.

— Да не слушайте его, зачем торопиться.

Мочалов протестующе поднял руку, но голубое платье хозяйки уже мелькнуло за дверь. Через минуту она вернулась, неся в руках тарелки. На столе появились закуски. Кузьма, довольный проворством жены, возбужденно прищелкивал пальцами.

— Ну, а главное, Галю, главное...— заторопил он, когда Галина Сергеевна в последний раз возвратилась из кухни с банкой маринованных рыжиков.

— Главным ты сам командуй.

Кузьма слазил за этажерку и достал две бутылки — одну с водкой, другую с шампанским. Он уже схватился за штопор, но Мочалов взял у него водку.

— Оставь до другого раза, дружище, я привез «Столичную».

Он склонился над чемоданом, который Ефимков, внеся в комнату, положил плашмя рядом со шкафом. Послышалось щелканье замков. Когда Мочалов выпрямился, в одной руке его сверкнула бутылка с белой наклейкой, в другой он держал стянутый шпагатом небольшой узелок.

— Вот голова садовая,— засмеялся он,— это поважнее всякой водки. И как я не вспомнил сразу!

Сергей быстро разрезал шпагат и, развернув упаковку, протянул Галине Сергеевне красную коробку.

— От меня и от Нины. Последняя новинка — «Белая сирень».

На лице хозяйки вспыхнул яркий румянец.

— Большое спасибо, Сергей Степанович! Да у нас об этих духах целые легенды сложили. Просто и не знаю, как вас благодарить. Я буду в Энске первой обладательницей такого богатства.

Она бережно приняла подарок.

— А где же Вовка? — обратился Мочалов к товарищу.

— Время-то позднее. Задремал, не дождавшись.

— Жалко,— огорчился Сергей Степанович,— а я ему для первого знакомства хотел пару заводных игрушек подарить — танк и мотоциклет.

— Ничего, успеет еще их распотрошить.

Кузьма расставил стопки и начал разливать водку. Оживленный, раскрасневшийся с мороза, он покачивал от удовольствия стриженной под ежик головой и улыбался. Его толстая нижняя губа, придававшая улыбке оттенок добродушия, чуть вздрагивала.

— У тебя такое блаженное лицо, хоть картину пиши,— не утерпел Мочалов.

— Верно, Сережа, верно,— поддакнул Ефимков,— и назови ее, эту картину, «Злачная душа». Вполне объяснимо: почти год «Столичной» в рот не брал, а с мороза стаканчик — у-ух! — Кузьма набрал полные легкие воздуха и так выразительно произнес это «у-ух», что все засмеялись.— Просто грудная клетка лопается при мысли о том, как эта жидкость под маринованные рыжики пойдет.

Галина Сергеевна пожала плечами.

— Что с ним сегодня, Сергей Степанович, понять не в силах. Кузьма к этой влаге прикасается только по са-

мым большим праздникам... вот разве только прошлой осенью отличился...

— А как, если не секрет?

— Сюрприз один преподнес,— Галина Сергеевна сузила глаза, в них вспыхнули искорки смеха.— Дело под воскресенье было. У нас затянулся педагогический совет, и я возвратилась из школы поздно. Смотрю— Кузьмы нет. Жду. Проходит час, успела все диктанты проверить,— Кузьмы нет. Решила— какое-нибудь деловое совещание. Вдруг в одиннадцать стук в дверь. Вваливается мой благоверный и с ним компания человек в десять. Все навеселе. Оказывается, летчик Цыганков женился. Так Кузьма отгулял свое на свадьбе и говорит: «А теперь пошли ко мне. У меня Галя с работы вернулась, она нас тоже угостит». Стоит в распахнутой шинели посреди комнаты и гремит своим басом: «Товарищи, рассаживайся кто как может, нам Галя еще по рюмочке поднесет». Я опешила, стала упрекать, что, мол, не предупредил, а он в ответ: «А я утром и сам ничего не знал. Тут все экстренно, невеста из Киева к Цыганкову приехала, и решили прямо с корабля на бал.» Вот и пришлось им среди ночи свадьбу у нас догуливать.

— Оказывается, муженек-то у вас с выдумкой,— засмеялся Мочалов,— я и в академии слышал одну историю о широком его характере.

— Что же это за история? — поинтересовалась Галина Сергеевна.

— Про то, как он с Дальнего Востока ехал. Говорили, будто на одной из таежных станций в дальневосточный экспресс сел богатырского роста капитан... ты не припомнишь? — покосился майор на друга.

— Припоминаю,— пробасил Кузьма.— А дальше что?

— Этот капитан нанес визит директору вагона-ресторана и осведомился, сколько стоит все содержимое этого заведения. А потом и брякнул: «Покупаю ваш вагон-ресторан». У директора глаза на лоб. «То есть как?» — «А очень просто,— говорит капитан,— меня эта сумма устраивает.» — «Да, но что будут делать пассажиры! Поезд останавливается очень редко и на станциях стоит мало». Тогда капитан плечи расправил и отвечает: «О пассажирах не печальтесь. Я покупаю вагон-ресторан, а вы объявите по радио, что капитан Ефимков

приглашает всех желающих на ужин. Только обязательно звание и фамилию укажите». Было это, Кузя?

— Не было,— все так же добродушно улыбаясь, проговорил Ефимков,— ерунду тебе наговорили. Перевертали все.

— Раз утверждаешь, что перевертали, значит, какая-то основа была,— стоял на своем Сергей.

— Основа действительно была,— вдруг согласился Ефимков и как-то тепло посмотрел на задумавшуюся жену.— Так, что ли, Галю? Была основа?

— Была,— тихо подтвердила Галина Сергеевна.

Кузьма помрачнел. В черных глазах застыло выражение решительности, нервно дернулся на правой щеке мускул.

— Перевертали, чудодей,— повторил Кузьма.— Я тогда доброе дело сделал, а про меня какой-то балагур целую легенду сочинил. И выходит по этой легенде, будто Кузьма Ефимков действовал как некий разухабистый купчишка. Никакого вагон-ресторана я не откупал. По-другому все было. Ехали с нами с производственной практики около двадцати студентов: девушки и юнцы. По вине какого-то растяпы начальника они не получили вовремя денег и два дня пробавлялись сухарями с водой. Ребята хорошие, скромные. У меня в ту пору деньги большие с собой были. Что верно, то верно. Мы с Галей с островов сюда, в Энск, путь держали. Вот я и подсчитал, сколько стоит дневной рацион по ценам вагон-ресторана, да пригласил на обед и ужин всю эту веселую компанию. Словом, два дня их кормил. Доброе дело сделал, кажется. И знаешь, Сережа, что меня больше всего тронуло. Обошлось мне это все почти в две тысячи рублей. Так вот. После каждого обеда и ужина я расплачивался, а один из студентов — и сейчас его помню: курчавый брюнет в роговых очках — забирал себе все счета. Прошло месяца три, и мы с Галей одновременно получили от них перевод и письмо с благодарностями и всеми приложенными счетами.

— А мне деньги так в пору прились,— засмеялась Галина,— как раз на новый радиоприемник тысячи не хватало.

Мочалов неловко заерзал на стуле.

— Извини, дружище, если я обидел тебя пересказом этой легенды. Ты молодецом поступил.